

Никого нельзя убивать, даже тех, кто этого заслуживает.

© Рэй Брэдбери, «Смерть – дело одинокое»

Из посиневшего лица уже вывалился синий язык, но надо поддержать ещё минуту-полторы. Потом проверить пульс; дыхание; для уверенности держать ещё с полминуты.

Убийство редко бывает бесшумным. Этого можно добиться, но не в ограниченных условиях тонкостенной квартиры. Когда душишь человека, он сопротивляется, кричит, опрокидывает предметы; надо как следует зафиксировать тело, и тогда шансов значительно больше. Но даже они не гарантируют незаметность.

Ну, по крайней мере, никто не заметил.

Они пришли сюда вдвоём; больше не надо. Эдмондо на поговорить; он не настолько угрожающий, как Беллармино, и вызывает ощущение, что не всё так плохо, чтобы человек не попытался сбежать и поднять тревогу. Вообще славный парень, этот Эдмондо: циничный ровно настолько, насколько надо, без того, чтобы уходить в мизантропию. Вот сейчас он стоял курил, пока происходило убийство, а теперь бросил светлый взгляд на Беллармино и – перекрестил труп.

Наверное, тяжело быть верующим в такой работе. Беллармино повезло, он атеист. Это создавало некоторые проблемы с семьёй и работодателями, но исключительно морального характера.

- Не хочешь выпить?

Выпить не очень хотелось. Поесть – вот это да, не помешало бы. Беллармино любил есть; это жизненная необходимость, если занимаешься боксом. Правильное питание – полная чушь. Не класть в свой рот всякое дерьмо – правильное решение, но отказываться от калорий... ну, удачи потом стоять на ногах по двадцать часов.

Ещё даже не наступила ночь, но в таких местах всё затихает уже часов в пять. Районы пригорода – огромная проблема для дела: все всех знают и все за всеми следят. Но – день Благодарения; люди празднуют, а кто хотел устроить барбекю, уехал на природу. Чак сидел дома: он один и не имел возможности даже выйти – слишком многим задолжал. А им даже не только задолжал. Деньги – важная штука, и обман с ними никогда нельзя прощать... но с финансовыми вопросами можно разобраться, если человек не совсем дурак и готов работать. А вот человеческая подлость оскорбляет. Это уже не просто проблема с тем, чтобы принести нужную сумму в полном объёме.

Ну, что дуракам объяснять.

Эдмондо долго выбирал, в итоге Беллармино не выдержал и принял решение сам. Китайская еда – не хуже и не лучше любой другой; да, все эти клоповники принадлежат китаёзам, но с ними нет проблем. Пока. Потом будут: планируется расширение города, у Манелли большие планы на него, и внук дона сидит в округе... но, естественно, стройка – это мигранты, а где мигранты, там китаёзы. Так что напряжённость сохраняется, но не перерастает в открытое противостояние.

Потом, непременно, закажут парочку. Но это потом. Пока из заказов только лапша.

Эдмондо сидел с лицом, не выражающим ничего, кроме отвращения и обиды. Он-то себя уважает. Ну и пусть: у Эдмондо была возможность направить их дальнейший путь. То, что он не пьёт байцзю – его проблема: Беллармино пьёт. А эта даже не дрянь. Хотя чёрт у этих китайцев разберёт, что у них считается вкусным, а что нет...

В итоге Эдмондо отвалил и коротко попрощался, а Беллармино остался.

На него не нападут – пытались. Не тут, правда. Узкоглазые подлые: берут не пули, а цепи и ножи. Но Беллармино хорош, а толпой тут не удастся – не Чайнатаун, туда итальянцам путь заказан.

Ну и тихо тут, даже мило, если бы не клопы. Можно просто сидеть и думать.

Думать долго не получилось – отрубился свет. Хозяйка, жирущая, в национальном костюме, даже не на самом плохом английском (хотя и с чудовищным акцентом, как в

мультиках) расчирикалась, что сейчас-сейчас-сейчас, выпинала жалкого лысого мужа, ругая его на гордом китайском, а тот полез в щиток проверять.

Беллармино тяжело вздохнул. Он просто пришёл выпить. У него был рабочий день. Почему он должен встречаться с проблемами?

«А послушал бы меня, ничего и не было», – мелодично пожурил его мысленный Эдмондо.

И правда, надо было в более пристойный бар идти.

Вздых опасного мужчины, про которого известно, что он член итальянской диаспоры, выполняющий поручения Манелли, здорово повлиял на китаёшек, и свет вернулся всего-то спустя секунд двадцать.

Как только плохая лампочка в мухах загорелась, Беллармино встретился...

Со взглядом.

Он был практически уверен, что, когда заходил сюда, никого не видел. Не то время суток: работяги со строек потянутся позже. Будут вонять потом, краской, спиртом и, возможно, тараканами – местную кухню Беллармино и не пытался пробовать. Хотя сейчас он вспоминал: кажется, когда делали заказ, растворялась на фоне какая-то спина... но контур её мутный и расплывчатый, как у капли на стекле. Не присмотришься – не поймёшь, что она тут вообще есть.

Что в таком месте делает девушка, подобная ей, сказать сложно. Она одета так, что, скорее всего, у неё нет свободных денег, которые бы она могла тратить на выпивку в китайской клоаке. Проститутка? Вряд ли.

Ну не выглядят так проститутки.

Старомодный вязаный свитер, похожий на трубу, не то мышинного, не то зелёного цвета – в таком освещении не поймёшь. Шерстяная юбка ниже колен. Туфель не видно, но Беллармино, не самый большой модник, зуб бы отдал, что это те кожаные уродцы на низком каблучке, что носят ирландские мамы. И наверняка нитяные чулки. Очки – да, очки, неожиданно. Светлые, близкие к белокурым вьющиеся волосы до плеч – высказывание по нынешним дням: сейчас такую причёску не носят. И глаза – зелёные-зелёные, как болото, с серыми разводами.

Что такая девушка делает одна в забегаловке?

Беллармино шутливо поднял крошечную посудину с водкой, она подняла свой... чай? Да, это чайная кружка. Не брезгливо из такой пить? В следах от жира и грязи.

Шустрая хозяйка в качестве извинения поставила перед Беллармино и этой девушкой по стопке байцзю. Девушка не стала сопротивляться, она совсем не выглядела как человек, способный постоять за себя, но зато вновь перевела взгляд на молчаливого соседа.

- Не откажетесь?

Голос бесцветный, тихий. Если бы он не был направлен прямо к Беллармино, то тот бы не услышал.

Ну как тут не помочь даме?

- О, кажется, меня намереваются спить.

- Я не пью алкоголь. Он делает меня... нездоровой, болезненной. Мне отвратителен сам вкус и запах.

- Поэтому вы пьёте, – он опустил глаза в чашку, – это? Клины клином вышибают?

- Вы разбираетесь в одной части китайской культуры, я в другой. Говорить о многообразии женской души пошло, но в этом есть что-то от чая...

- Чтобы раскрылся её аромат, нужна специальная церемония?

Беллармино не очень умел разговаривать с женщинами. Он подозревал, что дамочки обычно после этого дают пощёчины, притворяясь, что их не устраивает грубое общение.

Однако эта только удивилась. Но и слегка улыбнулась.

- Вы пошляк.

Слова, в которых не звучало ни капли осуждения. Но и кокетства. Просто констатация факта.

- Я привык называть вещи своими именами, милая. Ещё по чаю?

Она неопределённо кивнула.

- Пожалуй.

Нет, Беллармино не спился и даже не захмелел. Хотя китайская водка сильно даёт по мозгам – и сложно представить, как её переносят такие хлюпики, как китаёзы, – но он справлялся.

Вероятно, общение с прелестной дамой помогало ему.

Её звали Лилиан – да, как актриску из старых фильмов. У неё ещё и сестра Дороти, чтобы получилось совсем смешно. Должна была ещё Мэри родиться, но мать ушла с водами – бывает. Институтка, медичка. Ну эти все пришибленные. Хотя вот ходит сюда – значит, денежки все ушли в институт. Языкастая. Но не дерзкая. Беллармино ожидал бы более скучной мадам, не то феминистки, не то голубого чулка. Наверное, есть и то, и то, но хотя бы не раздражает.

Да и оплачивать девушке чай, а не вино, очень выгодно.

Хозяйке она явно не нравилась. Улучив момент, когда Лилиан отвлеклась, китаянка показала Беллармино, что у его собеседницы с головой не всё в порядке. Беллармино усмехнулся: ну да, узкоглазой виднее.

Бросит ещё один сочувственный взгляд – заставит глаза принять нормальный вид.

Что приятно, Лилиан не пыталась говорить о литературе, искусстве, науке и другой подобной ерунде. Она легко ловила направление мыслей и интересов Беллармино. Пока до разговоров о боксе было ещё рановато, но про кино – почему бы не поговорить? Девица не пыталась выкобениваться и называть людей, которых Беллармино не знал или не понимал.

Неожиданно приятно.

В какой момент он решил проводить её домой?

Наверное, его всё же не отпускала мысль, что она проститутка. Слишком странное место для врачихи. Может, она рассчитывает на совсем уже опустившихся алкоголиков. Но при этом у Беллармино всё же рука не поднималась с ней грубо себя вести.

Не королева, нет. Не такая женщина, которую надо обожествлять. Никакого снобизма или высокомерного взгляда очкастой клуши.

Из в целом спокойного района перешли куда-то, где было совсем нехорошо. Высотки, грязь, война как будто бы ещё не ушла, на некоторых домах заметные следы от пожара. Нецветной район, впрочем, но не сильно лучше: и говорить про мусор на дороге бессмысленно – дорога состояла из мусора. Где-то кладут асфальт или брусчатку, а здесь под ногами – размякшая бумага и картон.

- Не думала переехать?

Лилиан невыразительно покачала головой.

- Нет денег?

- Деньги, возможности. Одно идёт за другим, и не думает останавливаться.

- Такая молодая девушка. Ты вполне бы могла выйти замуж...

- И родить детей?

- И переехать и продолжить учёбу. – Потом Беллармино, естественно, добавил: – Ну и да, и родить детей. Прекрасная перспектива для хорошенькой девушки.

Лилиан посмотрела на него задумчивым – не оценивающим – взглядом. Чёрт её знает, может, согласилась, может, нет. Не поймёшь их.

Им не удалось разминуться с пьяницей, идеально дополнявшим район: зубов нет, волос нет, мозгов, вероятно, тоже нет – пропил. Крепкий, но вряд ли сильный. Не киношный, нет, таких забулдыг в кино не показывают. Все они идеальные. А этот... Жмётся к стене, смотрит злобным неуважительным взглядом. Очевидно, не знает, кто рядом с ним идёт.

- Этот на меня смотрит.

Беллармино посмотрел сначала на Лилиан, потом на пьянчугу. И правда, смотрел. Бросил взгляд, сволочь. Но нет, не сальный: импотенция выросла вовнутрь организма и растворилась в сивушных маслах.

Но, если девушка боится, что бы ей не помочь?

Не то чтобы Лилиан прям боялась, конечно. Беллармино был не дурак. Она не боялась. Это был вызов, что он может. И, честно говоря, он его несколько обидел: Беллармино мог бы справиться с чем-то получше, чем мужчина, который подметает собой пол чаще, чем встаёт на ноги. Но, вероятно, других просто не было, а ей казалось важным проверить, каков Беллармино.

Ну, он показал себя с блеском.

Мужчина, униженный, избитый, остался лежать на земле, подняв ладони, а они с Лилиан поднялись на второй этаж по железной лестнице.

- Я зайду?

Грубость, фамильярность. Но надо проверить.

- Нет.

Твёрдое, не гордое, но уверенное.

Значит не шлюха, всё-таки.

Спустя несколько дней Беллармино искал её – и не нашёл.

У него появилась смутная обида. Не должна, а появилась. Хотя мужчины не обижаются.

Но всё же какая невезуха.

Сначала у Беллармино были дела. Потом он подумал и решил, что, раз мужчина проводил девушку домой, значит, это заявление. Значит, это к чему-то обязывает – его в первую очередь.

Он зашёл в закусокную. Хозяйка сказала, что Лилиан была вчера, но заходит она далеко не всегда, и никакого расписания у неё нет. Появляется вечером... но непонятно, во сколько её ждать. И вообще, миста-а-а, это плохая девушка, она приходит одна и уходит одна – зачем миста такая девушка...

Вышел, не дожидаясь окончания монолога.

Пошёл домой к Лилиан. Постучал. Никого.

Спрашивать соседей в таком месте бесполезно. Хотя на всякий случай попробовал – нет, прячутся, пьют. Хотя забитая женщина снизу, получив десятку, наплела всякого: ходят к этой шлюшке мужчины... Но эта бы что угодно наговорила, дай только денег.

Но всё равно интересно.

А ведь Лилиан даже не сказала, где конкретно она учится. Проверять каждый медицинский колледж – у него времени свободного столько нет.

«Ну, – подумал Беллармино, – не судьба».

Расстроился? Ну да, расстроился.

Хотя, стоило ему помыться и привести себя в порядок, Лилиан тут же появилась. Он ещё тогда подумал, что надо бы делать это почаще.

Беллармино встретил Лилиан в неожиданном месте: на Бродвее. Они с ребятами сопровождали младшую Манелли с матерью. Девушка, умница, должна была поговорить с Элайоном, влюблённым в неё сенатором, чтобы утвердить планы на новые районы и обратиться именно к той компании, с которой связаны сами Манелли (это возможно, если Элайон... жена не стена, подвинется). Пока стояли на улице, курили. Контрамарки уже были, оставалось только...

И тут он увидел Лилиан.

Она сильно выделялась из бродвейской публики; по её одежде можно было сразу определить, куда она идёт – в один из тех экспериментальных театров, где, по словам, прячутся сплошные комми и евреи. Но Беллармино в это не верил: комми и евреев прижимают к ногтю, вряд ли бы им дали сцену в таком влиятельном месте, как Бродвейская магистраль.

Они заметили друг друга.

- Вы знакомы? – спросил Эдмондо, перехватив взгляд Беллармино: тот не умел скрывать свой интерес.

Лилиан растворилась в толпе.

- Виделись раз, – небрежно сказал Беллармино.

Джанни отпустил шутку про юных лесбиянок, и Беллармино его не остановил.

Но и не поддержал.

Потом Лилиан сама его встретила. Беллармино напрягся: это, слава Господу нашему Всемогущему, не был дом Манелли, но она вычислила машину Беллармино. Значит, следила.

- Пойдём выпьем? – прямо предложила она.

У другой женщины это был бы отчаянный крик о взаимности, предложение избавить её от одиночества. Но не у Лилиан. Это было твёрдое, здоровое предложение о партнёрстве.

- Пойдём, – согласился Беллармино.

- Мне не нравится, детка, что ты за мной следишь. Не надо так делать, если не хочешь нарваться на проблемы.

Она повела его не в дэнсинг, не в молочный бар, а в ещё большую дрянь. Какое-то ирландское дерьмо. Вот тут Беллармино было неуютно: если то место хотя бы не относилось к Чайнатауну и не могло означать нарушение границ, то вот здесь он не был уверен, что какие-нибудь Дантоны не потрясут боевыми топорами древних кельтов и не объявят им вендетту. От этих рыжих всего можно ожидать.

Но – сюда захотела пойти Лилиан. Почему её стабильно тянет в места, где надо пить, ведь она не пьёт?

- Хорошо, – сказала она вдумчиво и серьёзно. В отличие от многих других женщин прекрасно поняв, что Беллармино имеет в виду. – Мне захотелось пригласить тебя.

- Скучаю по временам, когда мужчинам первыми проявляли инициативу.

- Я не добиваюсь первого шага от мужчины.

Или всё-таки проститутка? Всё с этими женщинами непонятно.

- Куда ты ходила тогда?

- На спектакль Теннесси.

- Не слышал.

- Я так и подумала. А ты, полагаю, на «Оклахому»?

- Да...

- Как тебе спектакль?

Беллармино запнулся, но не выдал этого. Он посмотрел на Лилиан лукавыми тёмными глазами – довольно красивыми, правда, не то чтобы сильно крупными. Но у мужчины это не минус.

- Детка, я плохо разбираюсь в театрах. Я в мюзик-холлах чувствую себя как дитя: мне достаточно ярких огней и хорошей музыки, чтобы почувствовать себя хорошо.

Губы Лилиан тронула лёгкая улыбка.

- Это всем людям свойственно. Есть быстрые углеводы в еде и есть быстрые углеводы в культуре. Это... очень приятно. Быстрая сладость, легко растворяющаяся в желудке.

- И точно так же плохо?

- Американцам свойственно есть быструю еду. Сейчас, после войны, она особенно нужна.

- Звучит так, будто ты критикуешь.

От внимательного взгляда Лилиан ничто не могло укрыться.

- Я никого не критикую.

В эту ночь до них докапывались несколько падди, которым не нравилось, что итальяшка ходит у них по району. Беллармино снова поймал этот взгляд Лилиан, но разозлился и не пошёл у неё на поводу. За кого она его держит? За мальчика на побегушках? Он не хочет себе проблем. Уже то, что они пришли сюда, было крупной ошибкой.

И, вероятно, Лилиан обиделась. Но, к счастью, нашлась альтернатива.

Ниггеры проявили редкостную наглость и решили фугашить прямо тут, где им не место. Конечно, это не самое достойное место, но оно не для ниггеров. Оно для тех белых, кто тут живёт – и кто сюда попал волею судеб.

Негритосы оказались крепкими ребятами, даже не прокурившими в дыму роготряса последние силы. Напротив, наркотики давали им энергию и нечеловеческие способности; но быстрота и сила удара хотя и преимущества, но проигрывают тактике человека, прекрасно знающего, что он делает.

Жалко только, костюм порвал.

- Ты очень сильный, – прямолинейность Лилиан завораживала и, чего уж там, приятно щекотала самолюбие. – Спасибо тебе большое. Ты спас меня.

Беллармино посмотрел на неё. Да, ниггеры на улице – опасные обезьяны, и девушке лучше не оказываться с ними рядом.

- Больше не проси меня это делать, – вежливо попросил он, отряхивая с рук кровь. Лилиан протянула платок. – Ты знаешь, что я потом его не верну? – Лилиан пожала плечами. Ну, она предупреждена. – Все эти твои взгляды, женские штучки... Я уже достаточно показал себя. Мне незачем доказывать свою силу.

- Да, ты прав, – подумав, ответила Лилиан. Хотя даже тогда она не вышла из раздумий. – Ладно, пора домой.

Беллармино не сводил с Лилиан внимательных глаз.

- Хотел бы я знать, что творится в твоей миленькой голове, – наконец произнёс он.

Лилиан улыбнулась.

- Я тоже.

Она взяла у него телефон, но не оставила свой. Объяснила тем, что его у неё просто нет. Беллармино сделал пометку на будущее: надо купить. Но сначала – снять квартиру в месте получше. У него есть деньги... не так много, как для этого нужно было бы. Нью-Йорк – очень дорогой город: он тянет свою аренду, но устраивать куда-то девушку было бы очень скандально. По крайней мере, на данном этапе отношений.

Хотя Сезар намекнул ему, что они с семьёй готовы пойти ему навстречу, если ему понадобится помощь. Естественно, никто не смог проигнорировать, что у Беллармино появилась подруга. Да он и не скрывал. Ребята недоумевали, почему он не нашёл получше (или хотя бы итальянку), остальные не видели проблем: тихая девочка, не выглядящая душой.

- Только держи язык за зубами, хорошо? – попросил Сезар. – И не раскидывайся лишними словами. Её поведение – целиком и полностью под твою ответственность.

Беллармино посмотрел на Сезара. Наверное, он выглядел достаточно импозантно, для здоровяка, не окончившего школу.

- Я обещаю, – ответил он.

Он не говорил о том, чем занимается – но и Лилиан не о чём не спрашивала. Её любопытство простиралось в странных, очень неожиданных направлениях: она могла долго, методично перебирать, что он ест, не упуская, кажется, ни единого вида продукта, но при этом её совершенно не беспокоили ни его друзья, ни куда он пропадает ночами.

Во многом потому, что она сама куда-то девалась.

Для полного спокойствия Беллармино проверил у знакомого жука список проституток в этом районе. Нет, нет, она ни к кому не относится. Правда, странное дело, её частенько не бывает ночами. С другой стороны – у врачей часто бывает ночная смена. Не хочешь проверить в больницах?

О, нет, нет. Беллармино взрослый мужчина, и соответствующе воспринимал походы к врачам. Не зарастёт – само отвалится; доктора нужны чтобы штопать раны и проводить операции. Зачем операция ему, тридцатипятилетнему боксёру?

Правда, один след нащупать всё же удалось: одна из шлюшек опознала Лилиан как свою... не подругу, но просто девочку, с которой иногда виделись. Она была школьницей из очень хорошего района, куда шлюшка бегала с другими обкрадывать дома. Обнесли и её, злорадно добавила она. Потом она куда-то пошла... то ли в Квинс, то ли... Да хрен эти шарашки знает!

Микеле услужливо предложил собрать больше информации, но Беллармино отказался. Он советовал Лилиан не следить за ним – и сам хотел проявить к ней столько же уважения. Это сработало... кажется. Насчёт Лилиан никогда ни в чём нельзя быть уверенным.

Куда они ходили? Беллармино ухаживал за ней, как подобает мужчине. Театр, ресторанчики (какие мог позволить: Беллармино адекватно оценивал денежное состояние и не желал влезать в долги ради красавицы), цирк, зоопарк, кино. Кино Лилиан любила... но странное. Не какие-то мюзиклы или мелодрамы, а гангстерские фильмы, фильмы про убийства, Хичкока вот этого. Беллармино это не очень нравилось: он на работе подобное каждый день видит, можно что-нибудь повеселее? Лилиан слушалась его и водила на комедии; Беллармино хохотал, ел попкорн...

Лилиан никогда. Ни разу.

Беллармино это бесило, но, с другой стороны, девушки-хохотушки часто изменяют своим мужьям (а Беллармино смотрел всерьёз, с прицелом на долгое время; раз так долго ухаживаешь за девушкой – ну, дружище, у тебя нет альтернативы). Так что – лучше скучная и серьёзная, но своя, чем какая-то весёлая дура, со всеми этими дамскими прибрлудами (а уж в чём Лилиан не нуждалась, это в дамских прибрлудах; даже жемчужное ожерелье, которое ей Беллармино купил, не носила).

Они хорошая пара.

Хотя, конечно, рано или поздно должно было случиться неизбежное.

Причина самая дурацкая: шустряк, богатый, испорченный мальчик, вдруг проявил ловкость, выбил ногами дверь и побежал. Сволочь была длинноногой; неспортивный, да, но ему хватало желаний и сил бежать, заряжаясь ужасом и уверенностью. От Беллармино бы он не сбежал, но – свернул именно в тот район, где жила Лилиан.

Чёрт возьми. Ладно, работа важнее. Вдруг она спит уже.

Догнал, конечно. Мальчишка лез на лестницу (куда? Зачем? По крыше хотел пробежать? Так там пятнадцать метров высоты, идиот), но сорвался и ударил спину. Не сломал, жаль: тогда бы у Беллармино было меньше работы. Нет, оставлять его инвалидом нельзя: нужно именно убить. Малый оказался живуч: как назло, ушибленная спина не перекрыла ему кислород в лёгкие, и он верещал, как девка, призывая окружающих на помощь.

Смешно. В таком-то районе, где из дома лишний раз не высовываются.

Приходилось бить и бить; жизнь паренька цеплялась за всё, что могло её поддержать. Мог бы быть везучим гадом, займись он делом, а не ерундой. Но, увы, большие деньги ведут к избалованности, а оттуда к подлости. Сыночка продюсера в «Парамаунт» не считал зазорным пользоваться услугами мафии, но и сливать информации полициям, притворяясь добропорядочным гражданином, тоже не чурался. Нет, таким жить нельзя, даже если он выдерживает пять ударов арматурой по голове.

Но рано или поздно подымают и такие.

Закончив работу, оказавшуюся сложнее, чем Беллармино ожидал, он взял арматуру, думая, куда же ему деться в таком виде... и столкнулся со взглядом Лилиан.

Она стояла за поворотом. Странно, что она там делала: это тупик, Беллармино проверял. До него только дошло, что Лилиан не смотрела: она подглядывала. Это не место, в которое случайно заходят девушки: она там стояла с какой-то целью.

Но зачем?

В любом случае он почувствовал стыд. А ещё гнев. Беллармино ненавидел испытывать стыд.

Но Лилиан на удивление буднично восприняла происходящее – возможно потому, что всякого навидалась на этих улицах. Хотя Беллармино было бы приятнее, если бы она всё-таки хоть немного удивилась. Лилиан подошла к ним, подняла тело с удивительной лёгкостью для худой девушки на каблуках. Беллармино не ожидал, что Лилиан окажется настолько умна...

И прямо сейчас это его пугало.

- Машина далеко. Надо донести...

- Лучше по-другому. Пойдём ко мне домой. Ты мне дашь нужный телефон, я схожу и позвоню туда, куда скажешь. Скажу, где ты находишься. Тут негде парковаться, но можно пройти метров восемьсот до стоянки у дайнера. Я попрошу взять с собой сменную одежду, тебе потребуется.

Беллармино слушал Лилиан. Да, пацан замызган кровью, у него деформирован череп, мозги виднеются, даже на одежду кусками попали. Да и сам Беллармино тоже не красавец, прямо сейчас они никуда не денутся. Действительно можно помыться у Лилиан... чёрт, одежда. Она права, ему нужна сменная.

Сейчас он точно знал, что женится на этой женщине. Но... теперь он боялся её.

Что только творится в этой белокурой головке?

Они поднялись к ней домой. Несколько пролётов вверх – жуть как неудобно, ей точно нужно переезжать. Дверь – не самая обшарпанная из всех, по крайней мере, без вмятины от кулака.

Внутри – просто квартира одинокой девушки: ни котов, ни растений, минимальное количество вещей. Не так много книг, как ожидалось. А вот радио нет. Цветочные обои, драные. Тараканы и мышиные ловушки, покрытые пылью: то ли паразитов мало, то ли они чертовски умны.

- Мне жаль, что ты врач, и я не первый голый мужчина, которого ты увидишь.

- У меня есть халат. Он мужской, я не люблю женские вещи. В них слишком много роскоши и бесстыдства.

- Милая, боюсь, я для него великоват.

- Стесняешься выглядеть неприличным?

- Ни в коем случае. Думаю, труп в твоей квартире сильно расслабляет наши моральные принципы.

- Правильно, Мино. И всё же иди в ванную.

Не став раздеваться на глазах будущей жены, Беллармино прошёл в ванную.

Маленькая чистенькая комнатка, состоящая из побитых глянцевых квадратов. И две пластиковые бочки. Без них пространства было бы намного больше.

Пластиковые бочки не стоят просто так в ванной. Их даже в строительстве используют редко.

Хочет ли он знать, что там находится?

Вежливость? К чёрту вежливость. Беллармино обычный бандит и не пытается этого скрывать. Ему не бояться возмущение хозяев дома – если, конечно, это не его наниматели.

Тем более... он вообще-то всё правильно понял.

Душ он всё-таки принял. Даже ванну – понял, что устал, и ему надо как следует отмокнуть. Беллармино нашёл это забавным: он лежит в ёмкости, и неизвестный ему мужчина лежит в ёмкости. По частям. В какой-то жиже.

Вода с мылом всяко лучше.

Халат неожиданно оказался впору; странно представить, как в нём выглядит хоть и высокая, но худая Лилиан. Наверное, это как шинель на тонких девичьих плечах, любимый романтический образ прошедшей войны.

Не хотел бы он сейчас с ней встречаться. С войной или Лилиан? Над этим вопросом следовало подумать.

Когда он вышел, Лилиан вовсю была занята работой. Металлический кухонный стол оказался маловат для её манипуляций, поэтому она, голая, в одном резиновом фартуке мясника, передвигала тело мальчика и ловкими движениями худых, но сильных рук расчленяла его с минимальной потерей крови. Да кровь и так вся осталась на улице, огромными и мелкими пятнами. Пила проходила ровно по суставам, и левая рука вырвалась из плоти с лёгким изяществом, как будто бы Лилиан просто взмахнула ей.

Единственный... нет, не единственный, – первый вопрос, который возник у Беллармино:

- На кухонном столе?..

- Ты же не видишь у меня другого. – Её ровный голос звучит отвратительно спокойно и делово. – Я затем протираю его и пол с хлоркой. А потом накрываю скатертью.

- Как у тебя всё просто. – Беллармино сел на кровать. – Что это вообще такое, детка?

- У него тонкие кости, Мино. Странно, что тебе потребовалось так много времени, чтобы с ним справиться. Впрочем, – Лилиан на секунду задумалась, – бывают такие люди, везучие, как дьявол. Они выдерживают любые удары, хотя внешне кажутся слабыми, женственными. Хотела бы я быть такой.

Беллармино внимательно смотрел на манипуляции Лилиан. Как крепко она фиксирует тряпками тело. Как пользуется пилой – добротной, из качественной стали. Как пятна крови расцветают на серовато-розовой коже её мириадами звёзд...

- Тебя наняли, чтобы убить меня? Признавайся, крошка.

Лилиан застыла и впервые посмотрела на Беллармино с выражением. Не с каким-то мутным непонятным чувством, а с ясно читаемой эмоцией; и она – шок и удивление.

- Что?.. Мино, ты с ума сошёл? Зачем ты так обо мне подумал!

- Ну, согласишься, странно выглядит, – Беллармино закурил. – Я известный и привлекательный молодой мужчина, знакомлюсь с девушкой... а она – специалист по расчленениям и убийствам. Выслеживала меня. Ходила вокруг да около, обхаживала. Кто там у тебя в бочках барахтается, какой-нибудь миллионер?

- Миллионеры не захаживают в наш квартал, Мино. К миллионерам сложно подобраться.

- А ты профи, милочка. Это в медицинском колледже тебя научили использовать соляную кислоту?

- Она бессмысленна, если из тела не вывести влагу. Для начала труп надо поддержать в негашёной извести, иначе выделяются серосодержащие газы... и может случиться всякое. Я думала, тебе такое известно, Мино.

- Чёрт побери, нет! – Вот теперь очередь Мино испытывать ту степень шока, когда не остаётся никаких слов. – Будь я проклят, если ты не лучшая в своём деле! Так кто этот бедолага?!

- Мне-то откуда знать.

Лилиан подтянула тело вверх и принялась за колени. Вероятно, планировала разделить ногу на две части: от бедра и от колена.

- Я не проститутка, Мино. Таких как я обычно называют шлюхами... но и это неверно. У шлюх другие потребности, другие цели. У меня же нет целей. Я не исследую по телам анатомию, для этого достаточно тел в нашем институте. За каждым убийством, будем называть вещи своими именами, стоит история, только она не связана со мной или этими людьми. Эта история организма и его реакции на смерть. Если бы мне тебя заказали, как ты сказал, я бы пригласила тебя домой и отравила. Когда ты только предложил, в первый раз... нет. Лучше в третий. Уже отношения, понимаешь. Ты силён и крепче меня. Я бы не справилась своими средствами, пришлось бы искать другие. Это сложно и требует подготовки. Но мне никто тебя не заказывал, и я тебя люблю, поэтому не хочу этого делать.

Беллармино слушал Лилиан самым внимательным образом.

Любит. Да что она несёт вообще.

- Удушение – лучший путь, но слишком заметный. Это убийство для людей с сильными руками и хорошей потенцией. Слабаки выбирают нож. Но я женщина; я смогу ловко нанести удар в сердце, во внутренние органы или вскрыть горло, но просто за счёт

разницы роста и конституций потребуется не менее десяти манипуляций. Это грязно и требует сноровки. Я же всё же непрофессиональная убийца. Почему ты смеёшься?

- Это от нервов, детка.

Лилиан замолчала. Она отложила пилу и подошла к Беллармино. Тот слегка отодвинулся.

- Я прошу тебя мне поверить, Мино. Я бы не стала об этом говорить, если бы не доверяла тебе.

- Это звучит ещё хуже, чем я ожидал.

- Ты ведь тоже убийца, Мино. Ты убил этого мальчика. Полагаю, совсем не за что.

- Детка, ты не понимаешь. Это совсем другой разговор.

- Ты убиваешь просто за деньги, Мино. Не делай вид, что это выше.

- Это вопрос чести. А ты... ты даже не можешь сказать, чего пытаешься добиться! –

Беллармино отбросил сигарету, затем чертыхнулся и снова закурил. – Право, я бы только успокоился, если бы услышал, что ты нуждаешься в деньгах. Кто бы не понял? Хотя могла бы их попросить у меня.

- И ты бы не расстроился?

- Я не выгляжу как пятилетний мальчик, Лилиан. Я не расстраиваюсь.

Лилиан опустила голову. Беллармино... да, он понял, что она хочет заплакать.

- Если тебя успокоит, – заговорила эта институтка, эта чёртова библиотечная мышь, эта крыса в очках, эта бледная лилия, – я никогда не убивала детей.

Как ни странно, но это извращённым образом успокоило Беллармино. Он даже... нет, об этом странно говорить. Но ему стало значительно легче.

- Интересно, что же тебя останавливало, – нагло произнёс он, чиркая уже третью сигарету.

- Доминировать над детьми – это слабость. Я знала медицинских сестёр, которые душили младенцев в родильных домах. У них не было цели, как у меня, но они были полны злобой, усталостью, желанием справиться со скотской жизнью, сопровождавшей их. Одна делала из-за денег: это почти то же самое, что аборт. Другой не хватало сил и смелости признать, что хочет убивать людей; а дети... они же почти и не люди. Они не разговаривают. У них нет личности. Что с ними делать? Зачем так убиваться ради них? Я в будущем планирую детей, Мино; я вряд ли буду хорошей матерью, но это просто правильно. У меня нет эмпатии к детям, но я не понимаю, когда ты тратишь свою силу на то, чтобы унижить слабых.

- И поэтому убиваешь мужчин? Ты говорила, что слабее меня. То есть как минимум ты выбираешь жертв своей весовой категории.

Лилиан откинулась. Она задумалась. Наверное, впервые за долгую жизнь.

Беллармино протянул ей свою сигарету. Помедлив, она приняла.

- Я не имею понятия, Мино, – честно проговорила она. – Я не испытываю наслаждения от насилия, но просто оно необходимо. Да, я мучила животных. Но это... слабость. Это неинтересно и постыдно. Мне это не нравилось.

- Нет детей, кто не сжёт пару муравейников, Лилиан. Никто не переходит после этого к людям.

- Это были не муравейники, Мино. Другое. Тебе лучше не знать.

Беллармино посмотрел на неё. Затем он подошёл к столу и сам начал пилить останки бедного глупца: Беллармино сильный, и справится с работой быстрее Лилиан. Хотя, наверное, и хуже.

- Я думала об этом с точки зрения фрейдизма, – продолжала она. – Знаешь фразу «девушка остаётся девственницей, если бежит быстрее брата и отца»? Я не бегала быстро. Но я никогда не злилась на отца. Он был святой, набожный человек. Он душевно страдал. В конечном счёте он утопил себя, и передал в наследство мне всё, что имел.

- Что ж ты им не воспользовалась? – Беллармино случайно царапнул лезвием по столу.

- Не делай так, пожалуйста, – испуганно проговорила Лилиан. Затем снова откинулась назад. – Я не могла им воспользоваться, а дядя всё спустил на выпивку... ну и

знаешь. Но это не злость на мужчин. Я не испытываю к ним зла, как какая-то старая дева. Хотя я не знала, что могу так влюбиться, как в тебя. Это просто... потребность. У одних есть потребность писать, у других – рожать детей, третьи любят есть, а я убивать.

- Любишь? – Беллармино бросил на Лилиан колющий взгляд. – Ты же говорила, что не испытываешь наслаждения.

- Но оно необходимо, Мино. Я просто знаю, что именно это мне нужно. Не что-то другое.

Беллармино промолчал.

Очень мило, что она называет его Мино. Как мама когда-то.

Но он давно вырос. У него, чёрт побери, есть полное имя.

После своего откровения Лилиан сидела и пила простую воду. Наверное, хорошо, что она не одна из этих богатых избалованных дамочек: Беллармино разорился бы на напитках, ухаживая за такой. Да и кому нужна пьющая мать будущих детей?

Странно, что он продолжает об этом думать. После всего, что он тут увидел

Хотя теперь этого решения принимать нельзя. Хорошая жена не спит со всеми подряд, чтобы их убить. Хорошая жена не испытывает мужа на храбрость, заставляя избивать прохожих. Хорошая жена не умеет пилить кости, не знает о способах утилизировать тела, а негашёную известь покупает только для стройки. Хорошая жена не ходит в ужасные бары.

А Беллармино хотел себе хорошую жену. Больше, чем мог себе в этом признаться. И Лилиан... подходила ли она до того?

А сейчас?

Сложно сказать. Ему как минимум надо подумать.

Она сделала всё, что обещала, и к дому ранним утром подъехала машина. Большая: Беллармино настоял, что надо утилизировать не только этого говнюка, но и того, кого замариновала Лилиан. Она не спорила: это был хороший обмен.

- Это что за нахрен такое? – вырвалось искреннее у Джанни, когда Беллармино в свежей одежде принялся выкатывать бочки.

Беллармино посмотрел на него взглядом. Это не речевая ошибка, Беллармино хорошо знал язык страны, в которой родился – он именно посмотрел взглядом. После такого затыкаются: все вопросы потом.

Эдмондо гораздо умнее и сдержаннее Джанни: он просто вызвался помогать. Несмотря на сладкую внешность, Эдмондо не был бабником, хотя, в отличие от ошалелого Джанни, любезно поприветствовал Лилиан и даже поцеловал руку на прощание. Беллармино прощаться не стал.

Лилиан смотрела им вслед, Беллармино знал это. Паскудная киношная сцена: дамочка стоит на пороге, на неё падает лунный свет, который, чёрт побери, никогда не выглядит как лунный, и под драматичную музыку её мужчина уходит навсегда. Кларк Гейбл, Грегори Пек, Кэри Грант, на кого там ещё смотрят неудовлетворённые домохозяйки.

Он не уверен, что уходил навсегда. Но сейчас так думать правильно.

Мино. Будь она проклята. Правда как мама.

- Где ты выцепил эту...

- Давай ты заткнёшься раньше, чем я успею среагировать, – Беллармино выглядел спокойным. Да он и был спокойным. – Я не задаю вопросов ей, она мне.

- Ты же знаешь, что так нельзя? – Джанни умело выбирал маршрут, по которому их гарантированно не выследят и не остановят. – Ты можешь скрывать свои тайны, она нет.

- Отчего же? Если уважаешь девушку...

- У девушек тайны грязнее, чем у нас, Беллармино. И этот случай только показывает, что я прав!

- Я просто убил его, она помогла мне с ним справиться. В браке это называется...

- Ты уже до брака с ней договорился?!

- Нет. Я просто хожу к ней. Ничего странного, все мужчины так делают с девочками.  
- Беллармино, – Эдмондо, что ему нехарактерно, был предельно серьёзен. – Я не шучу. Эта девушка... Если бы она не выручила тебя, единственное, чего она заслуживала бы – это пуля в лоб. Полагаю, так бы мы спасли десятки добрых христиан, которых она, вероятно, уколошила.

- Откуда ты взял десятки? Мы везём только одного. И я не уверен, что он почитает Христа Спасителя нашего.

- А я не верю, что это случайный любовник, обидевший девушку. Такие женщины...

- Хочешь сказать, ты прежде видел таких?

- Нет! Но...

- Тогда не тебе об этом судить.

Они замолкли: Беллармино сказал всё, что хотел, и сказал убедительно. С такими аргументами не поспоришь.

Однако, когда они подъехали к докам, Джанни повернулся и всерьёз посмотрел на замкнувшегося, философски уставившегося в окно товарища:

- Беллармино, я заклинаю тебя, не встречайся с ней. Мы не расскажем о ней Сезарю из уважения к тебе: пусть живёт, раз она помогла нам. Но мы почти тебе братья, пусть не по крови: мы не хотим... Я не хочу, чтобы тебя растворили как мыло в воде. Я не знаю, кто этот бедолага, но он не заслужил такой смерти.

Беллармино посмотрел на Джанни взглядом.

- Думаешь? – только спросил он.

И вышел из машины. Ответ ему был не нужен.

Но принимать решение Беллармино всё ещё не спешил.

Последняя встреча с Лилиан опрокинула его. Ударяли его многие, побеждали, били, но никогда не опрокидывали. И это ужасное ощущение. Ты беспомощен, первое время просто соображаешь, что произошло, и это чувство незащитности и униженности... Мужчине не должно его испытывать даже когда проигрывает.

Видимо, всё бывает в первый раз.

Он не ходил в те места, где мог её встретить. Дешёвые театры со странным репертуаром? Плохие бары? Тот район? Нет. Рестораны, дороже, чем те, которые Беллармино позволял себе прежде, прогулки по старым улицам Нью-Йорка. Всё эфемерное, всё... если бы Беллармино знал слово «пастельное», то использовал именно его. Он не знал про текущие картины, написанные скорее цветной водой, чем красками, но ноябрьский Нью-Йорк ощущался именно так. И рождественские украшения только усугубляли ощущение: цветные пятна на грязи. Снега нет, цвета нет, только эти никому не нужные блестяшки.

Беллармино вообще-то не думал о Лилиан. Если что-то причинило тебе боль, то не думай об этом. Не забывай, но не делай предметом своих тревог. Есть вещи поважнее. Это всего лишь девчонка, какая разница? Встретились, расстались, со всякими бывает.

И всё же...

Беллармино научился за свою работу не наделять жертв персональностью. Ну то есть он, конечно, знал, кто именно погибает от его рук. Но сами по себе, относительно его жизни, они никто. Были ли у них чувства? Семьи, карьера, надежды? Да какая разница, ему платят не за психоанализ. Они просто статисты, которые появляются в его жизни; возникают и исчезают. Были бы главными героями – не умирали бы так бездарно и глупо.

Но тут всё-таки другое.

Кто эти мужчины? Простые уроды, снимающие женщин и бьющие их, забирая выручку? Усталые семьянины? Извращенцы? Есть ли у Лилиан какой-то способ отделять одного от другого? Люди, которых убивает Беллармино, знают, на что идут. У них есть выбор – не связываться с мафией. А какой выбор был у этих людей? Не доверять девушке? Да, шлюхам никогда не стоит доверять, но Лилиан-то так не выглядит. Она не роковая женщина, не павшая проститутка, которой достаточно взять винца – она, как это говорят,

эмансипе. Эмансипе не выглядят привлекательно, вероятно, поэтому и становятся ими, но разве не приятно пошатнуть её принципы?

Наверное, глупо переносить страдания других людей на себя. Лилиан справедливо сказала, что попробовала бы убить его раньше. Не факт, что получилось бы: он силен и у него хорошая реакция. И обычно хорошая чуйка на врагов – хотя сейчас она его подвела. Но она даже не попыталась этого сделать. Испугалась?

Или... правда?

Ха. Правда.

Ещё б сейчас в любовь поверить. Это и с обычными-то людьми не работает...

Плохо, когда осекаешься внутри собственной головы.

Лилиан НЕ обычная. Какая угодно, но явно не обычная.

Он вспомнил её в контексте, который не был бы удобен ни для неё, ни для него.

Возникла проблема с врачом, поставившим формалин через длинную и сложную цепочку взаимодействий. Не потому что рассекретили, а потому что захотел больше. Больше с процентами. Что ж, его услуги того стоили, но главный Манелли был разочарован. Доктор исчез; можно было бы найти кого-то на замену...

- Студентка?

- У неё есть допуск к материалам.

- У неё нет возможности транспортировать его.

- Она... пользовалась им в довольно больших объёмах. В личных целях.

- В личных целях? Формалин?

- Она убила мужчину и растворила его как жир в супе, – это вмешался Джанни. – Хотя это был не формалин. Я уважаю выбор Беллармино, но эта женщина сумасшедшая. Я бы не рекомендовал с ней работать.

Беллармино не стал спорить. Просто запомнил это мелкое предательство со стороны человека, который называл себя его «братом».

Сезар посмотрел вдумчиво на Беллармино.

- У тебя хорошие знакомые, Белла, – сказал он. Беллармино не вёл себя как провинившийся школьник: если надо будет принести извинения, он принесёт. Но пока, будь он проклят, не за что.

- Да, – утвердительно и спокойно сказал он. – Она нас выручила с тем придурком, сыном Стёрджеса. Упаковала его лучше, чем следовало ожидать.

- И у неё точно будет возможность доставлять всё, что нам будет нужно?

- Да.

- Ты можешь это гарантировать, Белла?

Не мог.

- Да.

- Хорошо. – Сезар не стал подвергать сомнению твёрдую решимость своего парня. Обычно на Беллармино можно положиться: он сильный, профессиональный, неразговорчивый, пьёт не слишком много и умеет решать все поставленные перед ним проблемы. Армейское прошлое помогает не только в полиции, знаете ли. – Вообще познакомься с ней. Должно быть, интересная девица.

Не надо радоваться преждевременно. Сезар не непредсказуем, но он умеет принимать неожиданные решения, а Беллармино не мастер чтения эмоций. Сезар мог подразумевать вообще что угодно, в том числе расстрел Лилиан на месте.

Но пока отказывать рано. К тому же будет повод встретиться с ней.

Беллармино буквально сторожил её у двери. Лилиан пришла под утро, без мужчины. Замедлилась в какой-то момент – узнала, со спины узнала. А ведь он сидел высоко, у её квартиры. Беллармино был готов ко всему, в том числе шугануть её мужика, но она шла одна. И даже стук каблучков не разносился по улице; лёгкие, не шаркающие шаги человека, проходящего в день много миль.

- Что так поздно? – спросил он, когда она поднялась. Не выглядит усталой. В том же зелёном свитере. Только поверх ублюдское дешёвенькое шерстяное пальтишко в ромбик. Надо бы купить ей получше.

- Я работала в ночную, – Лилиан уселась перед Беллармино, прямо на железные ступени. Ей, конечно, не за что переживать, хуже она свою одежду не испортит, но всё же – для девушки...

- Я забыл спросить, на кого ты учишься?

- Патологоанатом.

- А. Ну да. – Беллармино усмехнулся. – Плохая профессия для женщины, тебе не кажется?

- Мод Ментен, Миртель Канаван, Софи Спиз. В Европе их больше, чем у нас. Пора избавиться от устаревших предрассудков, Мино.

- Ну, в Европе...

- Зачем ты пришёл?

- Ты не рада меня видеть?

- Это не ответ.

- Мой босс хочет дать тебе работу. – Почему-то при виде Лилиан хотелось курить чаще. А, может, за всю ночь сидения на холодном просто привык.

Лилиан напряглась. Странно, в темноте сквозь очки не видно выражения глаз, хотя стёкла не тёмные. Должно быть, легко прятаться от мира за такой стеной.

- Какую работу?

- Не беспокойся, нам просто нужен формалин. Не спрашивай зачем.

- В каком объёме?

- Много. Он подробнее опишет.

- Это будет сложно получить.

- Так ты сделаешь?

- Ты дал задачу, моя цель выполнить её.

- Лилиан, – Беллармино наклонился к ней. Смешно, они даже не целовались. – Я не даю задачу. Задачу даёт босс, а я не заслужу этого звания да самой смерти, да и не хочу. Я прошу тебя. Это совсем другое.

- Тогда это тем более для меня в приоритете. Но дай мне переодеться, я не могу поехать к... боссу в таком виде.

Беллармино очень неуклюже стал: холодно всё-таки, а ноги одеревенели. Не надо было так долго в одной позе сидеть.

Как собака домашняя.

- Не хочешь согреться?

- В бочке?

- Мино, это несмешно.

- Я рад, что у тебя есть ванна. На самом деле не откажусь.

- Кофе?

- Могла бы не спрашивать. Заботу принято проявлять бесшумно.

- Тогда тебе придётся думать, что я дам тебе поесть.

- От мяса воздержусь, дорогая.

- Хватит говорить глупости.

Но она улыбалась. На самом деле... Беллармино чувствовал от этого радость.

Соскучился, что ли? Не так уж долго они и встречались.

Бочек в ванной не было. Стало как будто бы грязнее, но не сильно – хотя чистюлю Беллармино цепануло. Вернулся – запах, после двенадцати часов голода, потрясающий, хотя просто яичница и тосты с маслом. Бекон Лилиан не жарила.

Да... сейчас это очень дорого.

- Откуда берёшь кофе? – мимоходом спросил Беллармино, перекидывая полотенце через шею. Смысл с себя, наверное, литра два грязи. Устал, как собака.

- Я хожу в магазин, Мино. Я могу прожить без многих продуктов...

- Но кофе – это важно.
- Кофе – это *очень* важно.
- За кофе.
- За кофе.

Они чокнулись. Возможно, не только кружками.

Кофе даже не был мерзкий; Беллармино посчитал – ага, если Лилиан зарабатывает столько, сколько он себе представляет, то кофе должно было быть её приличной инвестицией. Если только...

- Ты обворовывала их? Ну, понимаешь.
- У тебя правда нет других тем для разговоров? Раньше ты был интереснее.
- Я подсчитываю твои затраты и думаю, как их можно компенсировать.
- Я говорила, это не связано с деньгами. – Голос Лилиан был особенно холодным: кажется, она и правда обиделась. – Не то чтобы их было много. Я говорила, у нас плохой район. Но иногда получалось. И мне не надо платить.
- Ну, в любом случае, если у тебя появится работа...
- Расскажи о ней. Я должна о ней знать.
- Ну, подробнее расскажет Сезар. Он просто сообщил, что наш врач... ему нужна замена, и замена из доверенных людей.
- Ты рассказал обо мне?
- Ты против?
- Это просто странно. Ты знаешь, что я студентка.
- Ну так какая разница?
- Это очень большая разница, Мино. Я не хотела бы подводить... кем бы там ни был Сезар.

- В любом случае он хочет тебя увидеть.
- Зачем?
- А что, это какая-то проблема?
- Конечно, это проблема, Мино. Ты ведь ему рассказал, чем я занимаюсь, и я этим страшно недовольна. Я надеялась, это наша совместная тайна.
- Ну, во-первых, рассказал Джанни, а не я. Так что тайна далеко не совместная. Во-вторых... неужели ты правда не хочешь денег?

Лилиан молчала. Беллармино смотрел на неё внимательно. Но не забывал есть; еду он любил, и не собирался от неё отказываться.

- Послушай, Лилиан. Я вижу, где ты живёшь. И мой долг – помочь девушке, которая...
- Что которая? Что?
- Которой я многим обязан.
- Чем? Мино, меня бесит, что ты не говоришь важных вещей.

Беллармино устало вздохнул, отложил вилку и посмотрел на Лилиан.

- Есть вещи, дорогая Лилиан, о которых говорят лишь в кино. Мужчины такие вещи не любят.

- Полагаю, поэтому им изменяют. – Лилиан ковырнула яичницу. – Женщинам нравится правда.

- Никому не нравится правда, Лилиан. И женщины тут не лучше мужчин. Но, возвращаясь к твоему вопросу, – Беллармино продолжил есть. Лилиан хорошая хозяйка. – Поскольку тебя выдали, единственное, что мне оставалось, вступить за твою честь.

- Как мило с твоей стороны. – Голос серьёзный. Не издевается, значит.
- Сезар заинтересован в тебе. Уж не знаю, по каким причинам...
- Вам нужен палач, полагаю.
- Ты хрупкая и всё-таки девушка. Не думаю, что Сезар разделяет твои феминистские штучки.

- Но я врач. И, если Джанни сказал, что я делаю, значит, он может оценить мой профессионализм.

- Давай ты сохранишь свой профессиональный энтузиазм, дорогая, до встречи. Мы ещё пока ничего не знаем. Речь шла только о формалине, и гадать за другого я не планирую.

Они замолчали. Беллармино заметил смешную особенность: сначала люди говорят-говорят, а потом начинают есть. Интересно, в связи с чем это связано. Может, учёные об этом знают, но Беллармино не готов ради этого копаться в научных журнальчиках: он здраво оценивает свой интеллект и заинтересованность в теме. Нет, спасибо.

Почему никто не выпускает простых книжек для тупых людей, как он? Было бы полезно.

- Ладно, – сказала Лилиан, когда они закончили трапезу. – Полагаю, от этих предложений не отказываются.

Беллармино криво усмехнулся.

- Ты всё правильно поняла, дорогая.

Жадный прижимистый Беллармино всё же не поскупился и нанял такси. Водитель – чертовски болтливый, но, наверное, и хорошо: не понял, кто они такие. В конце концов, мало ли, зачем супружеская пара едет в дизайнерскую типографию? Ну вот и славно.

Хотя ни он, ни Лилиан не были уж слишком разговорчивыми. Она вообще держала себя довольно сухо, как какая-то библиотечная дамочка.

Типография, где располагался центр принятия важных решений, не выделялась из облика района. Это милое помещение, занимающее собой этаж; большевато для таких целей, но аренду платили исправно, а машины занимали достаточно много места. Например, Эдмондо формально числится дизайнером – и хорошо с этим справляется. Вот оно, человек с тонким вкусом.

Беллармино в свою очередь водитель, ему-то эти штучки зачем.

На первый взгляд ничто не выдавало напряжение при виде Лилиан; даже предложили кофе. Она согласилась на чай. Понять, что ребята чувствуют к ней, сложно; может, напряжены, может, готовы убить, может, заинтересованы. Джанни, главного эмоционального индикатора атмосферы, на месте не присутствовало. Да остальные могут и не разделять его чувств: ну девушка и девушка, да. Убивает мужчин. Может быть, убьём и её. Посмотрим, что Сезар скажет.

Сезар встретил её лично. Он не ударялся в чрезмерную деликатность, но и сухость не выражал. Был вежлив, деловит, распил чай, никакой светской беседы не вёл, почти сразу повёл в кабинет. Указал Беллармино взглядом, чтобы тот сидел на месте.

То есть разговор тет-а-тет. Нехорошо.

Беллармино сидел в напряжении. Ему не нравилось происходящее. Может, он себе додумывает, Беллармино не мастер читать намёки и другие эмоции, но повышенный интерес Сезара нетипичен. Может, у него вообще извращённый фетиш на убийц, кто знает. Лилиан почти наверняка проведёт с ним ночь, если предложит. Или нет, если не врёт, что любит Беллармино. Или проведёт, но убьёт, более реалистично. Она дамочка безбашенная, про таких говорят «голова уехала в другое место». В таком случае её судьба будет предreshена...

Но, на самом деле, плевать на Лилиан. Он не повлияет на её решения, даже если очень постарается. Она не такого типа человек.

Что будет делать сам Беллармино? Какой выбор предстоит ему?

Он его прекрасно понимал, но – мужчины не озвучивают важные вещи. Они осмысляют их, но сами они остаются невыраженными внутри. Это нормально, проговаривать мотивацию – это что-то там для кино и книжек, в жизни никто так не делает. У психологов только – ха, слабаки.

Но выбор-то всё равно есть, и никуда он от него и не денется.

- Бренди?

Зато Марко был к нему внимателен.

- Спасибо.

- Вот мне интересно, друг; едва я только её увидел, как понял многие вещи. И меня беспокоит вопрос: что такой видный мужчина... не смейся только, ради Спасителя нашего Всевышнего, – что такой человек, с работой, с достатком, видит в этой вот цыпочке? Она не прелестна, она не красива. Даже среди её типажа бывают Снежные Королевы, которым хочется подчиниться, но она не такая. Это просто худая моль в одежде, которую уместнее сдать в утиль. Оставим все прочие тонкости – что всё-таки в ней захватило тебя? Вот именно тебя, не страхового агента, которому нужна не высовывающаяся жена?

Беллармино задумался. Но единственное, что он высказал, было:

- Тебе не надо работать?

Конечно же, было надо. Без заказов они не оставались.

Марко, конечно, недоволен, но Беллармино не собирался отвечать на его вопрос.

Сезар вышли с Лилиан и прошествовали вниз. Без других. Может, решит застрелить сам.

Беллармино незаметно подсел поближе к люку. Чтобы... а на что он рассчитывал? Тут хороший толстый пол. Не доки, да, там всё устроено получше. Но на одного человека хватит. Главное, посмотреть, кто из них выйдет...

Вышли оба. И оба чистые.

- К сожалению, я не могу обеспечить официального оформления, с учётом вашего направления и специализации, – уверенно говорил Сезар. – К тому же... мне было бы неприятно забирать у вас любимую работу. Но я был бы рад пользоваться вашими услугами как частного практика; Вам следовало бы завести отдельный счёт. Как я понимаю, у вас нет подобного опыта? Не страшно. У нас есть частный юрист, он толковый парень. Не надо смешивать финансовые потоки один с другим, вы не сможете ими равномерно распределяться. Когда у вас будет время?

- Честно говоря, я хотела бы поспать с ночной смены.

- Могу понять. Но банк работает до шести. Лучше заняться этим сейчас: я попрошу Беллармино подкинуть вас до нашего отделения. Белла, ты слышал, что я сказал.

Беллармино, конечно, слышал. И... он не знал, что чувствовать.

Лилиан приняли на работу. Но на какую?

Зачем для поставки формалина спускаться в подвал?

Конечно же, не для этого. Конечно.

Но лучше от осознания не становилось. Наоборот, только хуже.

- О чём вы говорили?

- Я не думаю, что это для тебя тайна, Мино.

- Ясно.

Беллармино помнил, что в подвале... не в основном помещении. В маленькой комнатке сбоку. Шлюха, из тех, что создают проблемы. Обычно Микеле разбирается сам, но тут очень попросил. Ну и что не помочь хорошему другу, правда?

- Вы убили её?

- Нет, я показала, как, чтобы было лучше. Твой босс сказал, что она нужнее живой, и нужно было поделиться профессиональным советом. Ну и припугнуть, конечно. Не уверена, что у меня получилось...

- У тебя получилось.

- Ты мрачен, Мино. Тебе не нравится?

- С чего ты взяла?

- Я не думала, что ты будешь счастлив, но я не ожидала, что тебя это так сильно расстроит.

- Ты это так называешь?

- Ну, теперь мы будем работать вместе.

- Да, полагаю, да.

Он довёз её до Принстонов и посидел в кабинете вместе с Лилиан. Она была права, никакого понимания, даже отдалённого, финансовых документов. Нет, Принстон бы её не обманул, чтобы не расстроить Манелли, но Беллармино приходилось объяснять ей очевидные вещи – благо, Лилиан знала, что надо задавать вопросы. Утомительное, нудное и изматывающее мероприятие, но оно хотя бы продлилось не очень долго.

Зато потом можно было выпить кофе. Лилиан опять потянуло в какую-то дрянь; честно говоря, добровольно Беллармино бы не стал тут пить кофе, но... Лилиан.

- Ты сегодня идёшь на службу?

- Нет, я выходная.

- Ясно.

- А ты?

- Ну, я в любой момент должен находиться рядом...

- У тебя совсем не бывает выходных?

- Ты хочешь назначить мне свидание?

- Почему нет?

«После всего, что было?»

А что было-то, собственно? Почему он медлит? Почему стопорится? Это же женщина, он давно ни с кем не проводил ночь.

Как, вероятно, и тот бедолага в бочке.

- Ты не оставляешь мне возможности сделать первый шаг.

- У тебя было достаточно времени и возможностей.

Мерзкий кофе в месте, размером с цент. Некоторые квартиры больше всех помещений разом. Почти бумажные скатерти, заляпанные абажуры, кофе...

Нет, это не кофе. Ни по консистенции, ни по вкусу.

- При условии, если ты сварешь кофе лучше. Я устал шляться по ресторанам, Лилиан. Мне просто нужно отдохнуть.

И они правда отдохнули. Спали не менее десяти часов: Беллармино не запомнил, во сколько он вернулся. По меньшей мере, до полночи он шлялся рядом с Кристианом, которому именно сегодня захотелось покутить в хорошем месте. Как раз всё то, что Беллармино не любил: лоск, блеск, шампанское, атмосфера тридцатилетней давности – как раз её он застал. Покутил, тащили на себе до дома; но, слава богу, заснул раньше, а дальше не забота Беллармино.

Когда он дошёл до дома Лилиан, она ждала его. Сонная. Лилиан поставила будильник на десять вечера и честно мучилась три или даже четыре часа со сном, просто чтобы встретить Беллармино. Даже если бы он не валился с ног от усталости – с Лилиан в таком состоянии ничего уже не сделаешь. А секс во сне – удел импотентов.

Хотя она была готова, и Беллармино это оскорбило. За кого она его принимает? За одного из своих вонючих дробочеров?

- Давай спать, – грубо ответил он, и завалился к ней в постель, на самый край кровати, вонючий и потный. Без ночного душа.

Но, кажется, ей это не помешало.

Разместиться на узкой кровати – большая проблема для больших людей, а под боком ещё стройная женщина. Как Лилиан занималась сексом на этой гондоле, для Беллармино оставалось загадкой: любой нормальный мужчина отсюда просто свалится. Хотя он слышал о затейницах, которым совершенно не нужна была постель для этих дел... ну, он с этим никогда не сталкивался.

Проснулся раньше. День уже вовсю светил в окно. Никто не бил в дверь: Беллармино бы услышал. Значит, пока ещё не нужен. Повернулся – и чуть не раздавил Лилиан. Но всё равно не разбудил; глаза с полупрозрачными веками закрыты.

Или всё же... Нет, проснулась. Просто кокетничала. По движению глазного яблока заметно.

Но имитирует сон она хорошо.

Отлично, тогда она просто не оставила ему шансов.

Большая ручища спустилась по ночнушке вниз, туда, где она и должна быть. Сейчас женское бельё несравнимо со старым, не парашюты; хотя Беллармино всё надеется, что трусики продолжают уменьшаться дальше. Иначе какого чёрта нужно это всё большее и большее укорачивание юбок? Подлезть рукой под слишком высокую резинку и спуститься к маленькой-маленькой промежности узких бёдер, которые две лапищи Беллармино покрывают целиком, оказалось очень удобно. Лобок крошечный, волосы есть, но не густые; то, что нужно для девушки. Пока он не видел, но очень надеется, что они светлые. Кучерявые светло-рыжие волосы, темнее, чем с головы, но не сильно.

Кнопка клитора. Прошлая любовница Беллармино хорошо натаскала его на такие вещи; женщины совсем нежно не любят, однако с грубостью перебарщивать не надо. Если только не имеешь шлюху.

Лилиан выгнулась. Она не стеснялась: узкая ладонь спустилась вниз и направила пальцы Беллармино к корню клитора. Интенсивнее, с большим нажимом. Но, опять же, не чересчур.

А потом убрала и более не руководила.

Вот это в Лилиан Беллармино безумно нравилось: она, оказывается, знала, когда надо уступить и дать мужчине сделать своё дело. При своей смелости ей хватало ума не быть уж слишком навязчивой. Беллармино просто перевернул её, вытянул из сорочки, сорвал трусы, и, после недолгой подготовки пальцами (вход узкий, но не как у девственности; мужчин Лилиан явно познала), вошёл – а она и не артачилась. Не пыталась руководить, сесть сверху, вгрызаться, хищничать. Беллармино не переусердствовал со своей властью, но агрессию в свой адрес бы не воспринял – а Лилиан всё делала правильно. Она вообще была неостановимой рекой, движением, не бурным, но струящимся под руками: влажная до пятен на постели, гибкая, не лежащая поленом, извивающаяся, но без суеты, без метания туда-обратно.

А надавливать на белую спину смуглыми руками – одно удовольствие. И грудь – маленькая, правильной формы. Соски поднимаются кверху и выглядят любопытствующими носиками.

И толстый член входит между узкими ягодицами, словно ныряя. Впервые Беллармино нравилось на это смотреть. В этих движениях была своя эстетика, прежде ему непонятная, но выражающая природу любви сильнее, чем любые объятия в литературе. Можно ли считать удовольствие от наблюдения за своим членом самолюбованием? Ну, слегка мнущиеся от резких толчков бледные ягодицы интересны ничуть не меньше. Может быть, Эдмондо бы счёл эту попку дрябловатой, но Беллармино не понимал ценности спортивных ягодиц: он же не драться с женщиной планирует, а иметь её. Разве мягкость в таком случае не лучший выбор?

А когда Лилиан обхватила вагинальными мышцами где-то внутри себя его ствол, Беллармино совсем потерял голову. Вот тогда он буквально натянул её на себя, как одежду, как какой-то колпак; сжал кожу на груди и животе до синяков и поднял.

Нет, всё же на весу удобнее. Кровать для него слишком маленькая.

- Ты хочешь, чтобы я прекратила?

Откуда-то у Лилиан были силы на то, чтобы ещё и сварганить завтрак на них. Простенький: жареные сосиски, сэндвичи на завтрак, кофе. Настоящая мужская еда, женщины обычно выбирают поизысканнее. Но Беллармино не сопротивлялся; он, голый, с торсом, на котором есть лёгкий жирок поверх огромных квадратных мускулов, вообще не был готов к сытному завтраку.

А кофе бы не помешал.

Беллармино взглянул на Лилиан. Хорошо, что она не стала помадиться. Растрёпанные белокурые волосы не уложены и сохранили форму, приданную их валянием на постели (Беллармино в возрасте, ему нужны перерывы, но минут по пять; а так он ей напомнил все дни воздержания), халат на голое тело. Всё, что и нужно женщине. Без всяких этих «без макияжа мужьям не показывайтесь» и бигудей на сорок часов.

Он перевёл взгляд на собственный завтрак и продолжил есть.

- Ну ты же не прекратишь. Так что какой смысл, детка?

Лилиан взглянула на него сквозь очки. А глаза-то у неё крупные, зелёные. Хотя и слегка водянистые.

И правильно ему казалось, не женщина, а река.

- Нет, – ответила она, возвращаясь к еде. – Ты правильно думаешь.

- Ну вот тогда и всё. Только, пожалуйста, меняй простыни. Не хочу чувствовать чужой пот на моей постели.

- И тебя правда это не смущает? Совсем-совсем?

Беллармино со вздохом отложил столовые приборы.

- Чего ты хочешь добиться? Чтобы мы поругались? Давай поругаемся.

- Я не этого хочу, Мино. – Голос Лилиан стал строже. – Я просто хочу разобраться.

- А я не хочу. Давай всё оставим как есть. Без этого твоего занудства. Я этого страшно не люблю.

Лилиан смотрела на него. Долго-долго, как ящер. А он что, он ел. Голодный, как волк.

Всё же в следующий раз надо просить что-нибудь посолидней. Панкейки, пудинг, что угодно. Сейчас так завтракать здорово, но он здоровый мужик, в конце-то концов.

Внезапно Лилиан улыбнулась, и улыбка растворилась в окружающем пространстве – как капля молока в кофе.

- Ладно. Это тоже хороший ответ.

Они работали... месяц? Чуть меньше. Лилиан выполнила два заказа и раз приехала в доки. Сезар не разговаривал с Беллармино о ней, но, судя по всему, Лилиан хорошо справлялась со своими задачами. Беллармино видел труп после неё: чудовищное зрелище. По всей видимости, Лилиан дали простор с экспериментами, простой расчленёнкой она не ограничилась. Джанни с отвращением рассказал про заливание хлора в рот и вкалывание спирта с воздухом в вену. «Проще было застрелить ублюдка, зачем это всё?! Сезар же не извращенец!»

Не извращенец. Но и не идиот: некоторым нужна именно такая смерть.

Он также слышал, что Лилиан в рамках удерживания заложников советовала фторировать воду, которая при длительном использовании подавляет волю; его от этого передёрнуло. Иногда цинизм Лилиан впечатлял его не в лучшую сторону. Конечно, не надо было изображать из себя кроткого агнца, Беллармино убивал по-всякому, и спокойно бы вынес это знание от предыдущего доктора – но от высокой худой Лилиан...

Впрочем, так она хотя бы могла позволить себе сытный обед. Сам Беллармино оценил неожиданный достаток Лилиан; ему даже не пришлось покупать ей новый стол и бельё.

Но новую квартиру он, поднакопив, всё же решил ей оформить.

Нашёл нужного продавца. Тот, не дурак, понял, кто перед ним, нашёл удобный вариант. Хороший район, не пригород, незаинтересованные друг в друге, но и не совсем опустившиеся соседи. Окна во двор, можно припарковаться внизу, и она сразу увидит его в машине. Зелень! Редкость для нью-йоркских дворов.

Внёс залог, и теперь ехал, на самом деле, даже не к ней, а просто за документами. Ну и за ней. Она сегодня дома, пусть подпишет то, что надо.

Но... внизу стояла машина Манелли.

Они не ездили к ней. Им просто не было нужды. Кого-то прислали?

Беллармино остановился неподалёку; как чуял, что придётся прятать машину. Прошёл немного пешком. Женщина, которую в прошлый раз подкупил, высунулась и показала: мужчина.

Ну конечно, мужчина, идиотка, кто ещё?

Когда Беллармино зашёл внутрь, он не сразу увидел «мужчину». Он увидел Лилиан. Она... сидела; да, он знает эту позу. Она, кажется, не шевелилась перед смертью, и не

пыталась убежать – вполне в её характере. Взор уже остекленевший, но он и раньше порой таким бывал. Ночнушка надета, но полуопущена, видно белоснежное плечо.

Кровь вокруг – как цветок, как нимб, если бы Беллармино был верующим. А дырка во лбу... да, она никого не красит.

Эдмондо он заметил потом. Неряшливо одет – видимо, только что. Красивый. Всё ещё очень красивый. Даже в таком неопрятном виде.

- О, я тебя ждал, – Эдмондо был очень взволнован: он смотрел на Беллармино с воодушевлением, возбуждением и... виной? – Я не рассказывал, решил проверить её. Представляешь, она меня пригласила. К себе. Представляешь? Она ведь с тобой встречается, Белла. Она ведь... – Эдмондо случайно откусил фильтр у сигареты и грязно выругался. – Чёрт! Чёрт! Прости. Но она разрешила курить.

- Вы спали?

- Нет! Нет, чёрт возьми! Но она зазывала. Я, конечно, разделся, но я клянусь, я эту шлюху пальцем не тронул! Не понимаю, как тебе не брезгливо. – Эдмондо затушил сигарету прямо об стол, через который, вероятно, прошло много, очень много мужчин. Она никогда не говорила, сколько. – Я сообщу Сезару... я найду, конечно, альтернативу.

- Ты не подумал, что она нужна.

- Конечно, подумал! Но, Белла, мы фактически братья друг другу. Я слышал... я не могу это так оставить. Как бы я смотрел тебе в глаза, если бы знал, что она трахается за твоей спиной? За спиной, Белла! Но да, я подставился перед Сезаром. Я готов понести наказание. И тут совсем нечего выпить, Белла, вы чем занимались?

Беллармино обошёл гостиную.

За это время он даже привык к ней. Это единое помещение: спальня и кухня разом. Оказалось очень удобно: всего два шага до холодильника. Возле кровати – шкаф с одеждой: там совсем мало вещей. Даже с деньгами Лилиан не была модницей.

Зато оставалось много места.

- Белла, я всё понимаю. Я виноват. Я проставлюсь сегодня... давай только не как обычно? Я угощу. Тебе нужно залечить боль. Я знаю, что такое измена, Белла. По крайней мере, с главной проблемой разобрались...

- Разобрались? – Мино взялся уверенно за ручку винтовки. Свеженькая, M14. Громковатая, но, после Беретты прямо в лоб Лилиан, все и так уже всё знают, так что какая разница. – Я не думаю, Эдмондо.

Скорость Мино значительно превышала реакцию Эдмондо. Он, конечно, всё понял перед смертью, но не успел ответить или растеряться.

Ну и слава богам, он сдох.

Лилиан умерла, растекшись красным цветком на серой стене, а Эдмондо расползся каракатицей по дощатому полу.

Теперь Мино остался совсем один.